

Наволокина Лариса,
студентка м1РЯЛ-зфакультета филологии
и социальных коммуникаций.
Науч.руководитель:**И. Э. Спивак,**
к.филол.н., доцент (БДПУ)

ЭКФРАСИС КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

На рубеже XX – XXI веков актуализируются вопросы взаимодействия и взаимовлияния искусств, особенности воспроизведения одного вида искусства средствами другого. Интерес к вопросам диалогических отношений между разными видами искусства, к обмену смыслами привел к расширению уже существующего терминологического аппарата, связанного с данной проблематикой (появление термина «интермедиальность»), к изменению подходов в изучении уже известных понятий, таких, например, как «экфрасис».

Экфрасис (др.-греч. ἔκ-φράσις, ἔκ-φράσεως – «изложение, описание»). как художественный прием описания был известен ещё в Древней Греции. В качестве показательного примера часто ссылаются на описание щита Ахилла в гомеровской «Илиаде». Появление данного приема описания можно с уверенностью отнести к тому давнему времени, когда у человека впервые возникла необходимость выразить словом свои впечатления от произведений изобразительных, пластических искусств. Также во времена Античности экфрасис использовался как риторический прием, упражнение для риторов (упоминается в трудах Филона Александрийского, Афтония Антиохийского), которым обозначали речь, описывающую то, что находится перед глазами оратора и слушателей/аудитории.

В литературных произведениях, посвященных собственно теме изобразительного искусства, жизни и творчеству художников, экфрасис занимает особое. В русской литературе мы встречаем такие произведения, например, в творчестве Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Д.Мережковского, М. Волошина, А. Грина, А. Королева, Д.Рубиной и т. д., в зарубежной – Г. Флобера, С. Моэма, О. Уайльда, В. Вулф, А. С. Байетт и т.д. При этом описания произведений изобразительного искусства подаются автором чаще всего через восприятие главного героя, их созерцающего. В некоторых случаях такое соприкосновение с прекрасным может стать одним из поворотных моментов в жизни героя.

Материалом для нашего магистерского исследования был выбран роман Д.Рубиной «Белая голубка Кордовы», описывающий жизненный и творческий путь художника-фальсификатора Захара Кордовина. Цель работы – определить функции экфрасиса в романе Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы». Одна из **задач**, раскрывающих цель работы, –изучить состояние исследования поставленной проблемы, проанализировать различные определения понятия «экфрасис», основные классификации и функции экфрасиса в научно-критической литературе;

В современном гуманитарном дискурсе экфрасис исследуется активно и многосторонне. Проблеме экфрасиса посвящаются научные конференции, симпозиумы, диссертации, многочисленные статьи. Ученые анализируют феномен этого явления, рассматривают его роль в

определении особенностей взаимодействия литературы и изобразительного искусства, в становлении индивидуального стиля писателя, исследуют вопросы рецепции и рефлексии экфрасиса в художественной практике отдельных писателей, литературных школ и направлений.

Вербализация живописи – одна из основных проблем в теоретических исследованиях Н. Бочкарёвой, М. Кригера, Н. Меднис, Н. Морозовой, Р. Мниха, М. Рубинс, А. Хадинской, М. Цимборской, Е. Яценко. Исследователи Н. Брагинская, В. Бычков, Л. Геллер, Н. Дмитриева, Н. Фатеева, Д. Хеффернен, используя понятие «экфрасис», анализируют в своих литературно-критических статьях параллели между живописью и литературой.

Всесторонний интерес литературоведов разных стран к экфрасису подтверждают, например, сборник научных статей «Экфрасис в русской литературе: работы Лозаннского симпозиума» под редакцией Л. Геллера (2002), книга М. Рубинс «Пластическая радость красоты: экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция» (2003), монография «Экфрастические жанры в классической и современной литературе» (под общ. ред. Н.С. Бочкаревой, 2014), коллективная монография «Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения» (под научной редакцией Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской, 2018), а также целый ряд диссертаций.

Отдельного внимания заслуживают исследования Н. Бочкарёвой, в которых анализируются образы визуальных видов искусств в литературе, даётся определение экфрастического романа. Работы Т. Бовсуновской, в которых проводится сопоставление понятий и теорий экфрасиса и интермедиальности, исследуется их этимология, истоки, описываются приёмы аналитики, отличия и сходства, являются основными трудами в области изучения интермедиальности и экфрасиса в украинском литературоведении.

Отметим, что в научной литературе отсутствует терминологическая определенность – «экфраза»/«экфразис»/«экфрасис», а также неточного и единственного определения экфрасиса.

Так, например, Л. Геллер называет экфрасисом «всякое воспроизведение одного искусства средствами другого» и впервые вводит понятие «религиозного экфрасиса» [2, с. 8], Е. Яценко определяет экфрасис как «художественно-мировоззренческую модель» [4, с. 48], где собраны воедино все типы художественных описаний, и предлагает и классификацию экфрасисов. Н. Мендис считает, что «экфрасис ориентирован на выражение того, что в литературе мы назвали бы подтекстом, а в живописи, наверное, затекстом, – это прочтение изображения, не лишенное вчитывания в него дополнительных смыслов» [3, с. 60].

Н. Брагинская в своей статье «Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации)» понимает под экфрасисом некое описание любого художественного элемента (произведения искусства) вне зависимости от природы его происхождения: «Итак, мы называем экфрасисом, или экфразой, любое описание, а не только риторические упражнения эпохи «языческого возрождения». Мы называем так только

описания произведений искусства; описания, включенные в какой-либо жанр, т.е. выступающие как тип текста, и описания, имеющие самостоятельный характер и представляющие собою некий художественный жанр» [1].

Показательно, что в англоязычном литературоведении (Л. Сэджер Ейдт (L. Sager Eidt)) понятие «экфрасиса» расширяется и используется не только применительно к описанию предмета изобразительного искусства в литературе, но и к такому же описанию в кинематографе.

Итак, экфрасис – это литературный приём, используемый автором для создания всестороннего чувственного восприятия текста, путём описания любого художественного элемента (произведения искусства) вне зависимости от природы его происхождения. Экфрасис позволяет читателю не только соотнести литературный текст с любым другим видом искусства, но и задействовать сразу нескольких его органов чувств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста. (К проблеме структурной классификации). *Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели.* 1977. С.259-283. URL: http://ivgi.rsuh.ru/binary/85126_8.1258568006.7876.pdf

2. Геллер Л. «Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе». Экфрасис в русской литературе: *Сборник трудов Лозаннского симпозиума* / Под ред. Л. Геллера. Москва, 2002. С.8

3. Мендис Н. Е. «Религиозный экфрасис» в русской литературе». *Критика и семиотика.* Вып. 10. Новосибирск, 2006. С. 58-67

4. Яценко Е.В Любите живопись, поэты... Экфрасис как художественно мировоззренческая модель. *Вопросы философии.* 2011. № 11. С. 47-57.

Пузанова Ганна,

студентка м1 курсу

Факультет філології та соціальних комунікацій

науковий керівник: **О.П. Колінько**

докт. філол. наук, проф. (БДПУ)

«СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ» КАК «ВЕТВЬ» РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Всем известно, что большинство людей любят зимние праздники, а они характеризуются элементами волшебства, фантастики, мистики, тайн, загадок. Ведь ещё наши предки верили в сказочную, магическую силу Святок, и многие либо надеялись на осуществление загаданных в это время желаний либо пытались в этот период предсказать свою судьбу различными гаданиями и предвидениями. Писатели, пытаясь удовлетворить интерес людей и читательский спрос к подобной тематике, часто обращались в своём творчестве к мотивам рождественского чуда, таинственным приключениям и создавали истории, которые захватывали дыхание, увлекали необычностью повествования, заставляли учащенно биться сердце. Порой они были «страшные», но от этого казались ещё более увлекательными. Их, по существу, можно считать отдельной «ветвью» «рус-